

Мариинский театр — 1994. — № 3. — с. 7

На Театральной площади и вокруг нее

Уже в те далекие времена, когда здания Мариинского театра не существовало даже в проекте, а на месте нынешней Консерватории высился импозантный петербургский Большой театр, на Театральной площади и вблизи нее селились господа артисты со своими семьями или без оных. "Проезжимость" дорог северной столицы была хуже нынешней, общественный транспорт еще не существовал, зато снять квартиру в этом малопрестижном районе было недорого и не слишком сложно. Поэтому, вероятно, здесь нельзя найти ни одного здания, в котором за прошедшие два столетия не жили бы лица, тесно связанные с петербургским балетом. О некоторых из таких адресов будет рассказано ниже.

ее родная сестра за русского офицера, который увез ее из Стокгольма на берега Невы. Танцевала Тальони в Петербурге пять сезонов, дав более двухсот (!) представлений. Летом уезжала в Европу, осенью возвращалась на Никольскую улицу к тете и двоюродным сестрам. У жителей Северной Пальмиры балерина пользовалась невиданным успехом, причем не только у великосветских любителей модных развлечений, но и у более демократического зрителя. Газеты возмущались тем, что "юноши ниже офицерского чина дерзают вопить и стучать ногами", вызывая артистку более десяти раз. Именно Тальони впервые в русском балете стали публично подносить цветы, ей первой стали аплодировать дамы — до тех пор сие считалось неприличным.

В свободные от спектаклей вечера балерина собирала в доме Гюбена своих друзей и поклонников, у нее бывал весь литературный и театральный Петербург. О характере этих приемов сохранилось свидетельство современника: "Мы поднялись в бельэтаж; из прихожей дверь вела в большую залу, в три окна на Никольскую улицу. Направо угольный диван, обтянутый пунцовым штофом, и на нем в легком белом платье, перетянутом розовым кушаком, помещалась Мария Тальони, а вокруг нее в креслах сидело несколько гостей... О картах не было и помину, все время было посвящено беседе. Для молодежи составлялись под фортепиано небольшие танцы, в которых принимала участие и сама хозяйка. В антрактах подавали чай, фрукты и шведский пунш в небольших стаканчиках. При первом ударе полноты старик Тальони обыкновенно брал со стола подсвечник и подавал дочери знак, что хозяйке пора спать". Провожая гостей, Тальони произносила по-русски: "Я вас горячо люблю" и "Не забывайте меня". Сама великая балерина, покинув Петербург, никогда не забывала его, называя своим вторым отечеством, а свою единственную дочь она выдала замуж за русского. В русском обществе и прежде всего в русском балете всегда жила благодарная память (вспомним хотя бы фокинскую "Шопениану") о Марии Тальони как олицетворении

романтических традиций не только в искусстве хореографии.

Между тем, связь скромного строения на Никольской улице с балетом не прервалась в 1842 году. В конце прошлого века здесь проживает молодая танцовщица Мариинского театра, одна из его будущих звезд Вера Трефилова. Известно, знала ли она в то время, что живет в "доме Тальони" или нет. Однако ее будущая судьба удивительным образом сплелась с образом легендарной Марии. В 1910 году Трефилова выходит замуж за Николая Соловьева ("соловьевские" магазины немногим уступали "елисеевским") и оставляет сцену. Возможно в виде некоторой

компенсации, супруг дарит ей богатейшую коллекцию прижизненных литографий и гравюр... Марии Тальони. В изданной в 1912 году книге Н. Соловьева "Тальони" такových указано около полусотни. Из этого же издания следует, что второй крупнейшей аналогичной коллекцией владеет известный писатель и балетный критик Валериан Светлов. Развивая ставшую модной тему, в 1913 году уже Светлов публикует обширную работу "Тальони в Петербурге", где, в частности, рассказывается и о доме на Никольской улице. В 1915 году умирает Соловьев, Трефилова возвращается на сцену и вскоре выходит за... Светлова. Как знать, не вита-

ла ли над этим счастливым союзом тень тальониевской Сильфиды, Пери или Наяды?

В заключение напомним еще несколько адресов. На Торговой улице (ныне носящей грозное имя тинственного Союза Печатников) в доме 9 в конце XIX века снимал апартаменты Энрико Чеккети, здесь же он давал частные уроки русским танцовщицам, желавшим освоить и превзойти "рекорды" итальянских виртуозок. А почти напротив, в доме 10 квартировала одна из его талантливейших учениц Ольга Преображенская. В доме 17 по Крюковому каналу скромно заканчивал свою земную жизнь балетмейстер Лев Иванов, не помышляя о том, что зачарованные белые лебеди сделают его имя известным всему миру. А по другую сторону площади на Екатерининском канале (ныне носящем имя Грибоедова) в доме 109 до самого отъезда за границу жил другой балетмейстер — Михаил Фокин, также вписавший свое имя в анналы отечественной и мировой хореографии.

Арсен ДЕГЕН
На снимке: Дом на ул. Глинки, 6.
Фото Натальи РАЗИНОЙ

